УДК 327

Николай ЛИТВАК

Наталья ПОМОЗОВА

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ И КНР

Статья поступила в редакцию 09.06.2021

Аннотация. В статье проведено сравнительное междисциплинарное исследование подходов к проблеме прав человека в Европейском союзе и КНР. Именно этот фактор ЕС традиционно использует для критики политики других стран, сочетая давление и поощрение с целью их вестернизации – принятия и практического внедрения западного концепта прав человека. Однако современный Китай, осуществив стремительное социально-экономическое и научно-технологическое развитие, не только не изменил свою политическую систему, но и приступил к переформатированию международной сферы прав человека в соответствии со своим пониманием. Идеологическая инерция и необоснованное упрощение проблемы не способствуют пониманию в Европе того, как, сохранив социалистическую идеологию, Китай стал второй экономикой мира, оспаривает глобальное первенство и продвигает свою модель, не ставя, в отличие от Запада, особых политических условий. При этом остаются противоречия между самими западными странами, а международное право, включая область прав человека, имеет весьма разнообразную имплементацию на практике. В социально-философском смысле между ЕС и КНР развивается конкуренция конструктивистского и функционального подходов в формах либерально-буржуазной и социалистической систем.

Ключевые слова: права человека, верховенство закона, ценности, Европейский союз, Китай.

Тема прав человека в течение нескольких десятилетий остается константой дискурса Запада по отношению к КНР, используется как инструмент давления с целью вестернизации этого азиатского социалистического государства. Чаще других звучат обвинения китайских властей в пренебрежении правами и свободами жителей Гонконга, мусульманского Синьцзян-Уйгурского автономного района, а также всех граждан – из-за методов борьбы с эпидемией COVID-19. Однако происходят и значительные перемены в этой информационной войне: Пекин, ранее оборонявшийся,

© **Литвак Николай Витальевич** – д.соц.н., профессор кафедры философии им. А.Ф. Шишкина, МГИМО МИД России. **Адрес:** 119454, Россия, Москва, пр-т Вернадского, 76. **E-mail:** koloc1918@mail.ru

© **Помозова Наталья Борисовна** – к.соц.н., доцент кафедры Современного Востока, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). **Адрес:** 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6. **E-mail:** npomozova@mail.ru

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520215667>

перешел в наступление, а Брюссель все больше демонстрирует тревогу и непонимание происходящего, готовясь, в свою очередь, к обороне. Актуальность исследования проблематики прав человека в отношениях ЕС–КНР подтверждается ростом количества посвященных ей исследовательских работ.

Сложность предмета исследования предопределила использование междисциплинарного подхода, включающего методологические средства социологии, политологии и философии, посредством которых исторически и системно исследованы подходы и содержание концепта «права человека» в Европейском союзе и Китае. В качестве материала для сравнительного анализа использованы: соответствующая (вторая) глава Конституции КНР и два европейских документа – Хартия Европейского союза по правам человека (далее – Хартия ЕС) и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция). Важным источником для понимания этой проблемы в отношениях между ЕС и КНР послужили работы социологов, политологов, юристов (Дж. Бадера, Д. Барила, Л. Баччелли, К. Гюнтера, Дж. Икенберри, А. Михальски, К. Приммиано, Т. Рулига, Р. Форста, К. Хакенеша, Д. Шамбо, Р. Швеллера и других), позволившие выявить культурные и концептуально-теоретические различия, обуславливающие сложившуюся ситуацию.

Динамика прав человека в КНР после 1978 года

Несмотря на жесткость критических формулировок о ситуации с правами человека и конкретных случаев, по которым высказываются оппоненты КНР, большинство экспертов – С. Биддульф, К. Дринхаузен, К. Кинзельбах, Дж. Розенцвейг, Г. Страдиотто, М. Уд и другие – признают, что за последние десятилетия в стране произошли огромные изменения в этой области. После 1989 г. китайские официальные представители стали активно участвовать в дебатах по правам человека на международном уровне. С 1991 г. китайское правительство разрешило посещение страны западным наблюдателям и начало выпуск собственного доклада – белой книги «Права человека в Китае». Уже в первом ее издании признавались цели и принципы Устава ООН, хотя оговаривалось, что «следует учитывать различные взгляды на права человека, которых придерживаются страны с разными политическими, экономическими и социальными системами, а также различными историческими, религиозными и культурными условиями»¹. Тем не менее это был радикальный переход от отрицания прав человека как буржуазной концепции к принятию международных стандартов. В 1993 г. было основано Китайское общество исследований прав человека (China Society for Human Rights Studies), ставшее крупнейшей в КНР неправительственной организацией, ведущей с партнерами разработку концепций, в том числе «социалистической теоретической системы прав человека с китайской спецификой»². Сегодня Китайская Народная Республика является участ-

¹ The State Council Information Office. Human Rights in China. Issued on November 1, 1991. [электронный ресурс] <http://www.china.org.cn/e-white/7/index.htm> (дата обращения: 12.10.2019)

² Gu Ch. For a Socialist Theoretical System for Human Rights with Chinese Characteristics. [электронный ресурс] http://www.chinahumanrights.org/CSHRS/Magazine/Text/t20110324_724148.htm (дата обращения: 08.04.2020)

ником более двадцати международных соглашений по правам человека. С 2004 г. в Конституцию стали вноситься поправки, сформулированные на основании документов ООН. Изменения оказались столь значительными, что некоторые наблюдатели определяют их как «правовую революцию»¹.

Проведение фундаментальных правовых реформ было частью стратегической смены курса после эпохи Мао Цзэдуна, обусловленное как внешними, так и внутренними причинами, прежде всего восстановлением рыночного сектора экономики и возвращением к международному разделению труда. Кроме реформы законодательства, включавшей реальное разделение ветвей власти, презумпцию невиновности, права собственности, суд состязательного типа и прочее, было осуществлено переобучение сотен тысяч судей, адвокатов и юристов под руководством китайских преподавателей, прошедшие подготовку за рубежом.

Европейцы стали развивать отношения с новыми властями двумя способами. В связи с событийными поводами (прежде всего, после пресечения 4 июня 1989 г. в Пекине студенческих акций протеста) они оказывали на КНР давление вплоть до заморозки отношений (с 1989 по 1994 гг.) в надежде на реформы по постсоветскому образцу, снижали объем связей из-за торговых разногласий (в 2006–2008 гг.). Но также поощряли движение Пекина к международному подходу к правам человека, расширяя торгово-экономические связи и участвуя в «тихой дипломатии». В первом случае делалась ставка на предложенную С.-М. Липсетом теорию модернизации, согласно которой, по мере экономического и социального развития национальные государства неизбежно переходят к демократии [Lipset, 1959]. Во втором – европейцы надеялись посредством учреждения в 1995 г. Диалога по правам человека между ЕС и Китаем создать механизм конфиденциального обмена мнениями для убеждения, торга, давления «за закрытыми дверями». По итогам анализа этой «тихой дипломатии» большинство экспертов пришли к выводу о провале ожиданий европейцев [Kinzelbach, 2014].

Не оправдала себя и ставка на *конструктивистский* подход, согласно которому включение в процессы сотрудничества государств, изолированных международным сообществом, приведет к принятию ими соответствующих норм международного права. Несмотря на нелинейность, китайско-европейские отношения развивались от момента официального установления (буквально в последние месяцы жизни Мао Цзэдуна в 1975 г.). Через институционализацию ежегодного саммита (с 1998 г.) они пришли к «зрелому стратегическому партнерству» (с 2003 г.) и подписанию Всеобъемлющего соглашения об инвестициях между ЕС и Китаем (в 2020 г.), которое, однако, не было ратифицировано ЕС.

Различия подходов к правам человека в КНР и ЕС

В 1999 г. С. Ли в масштабной работе об основах современной китайской концепции прав человека показал ее разработку с конца XIX века, причем на основании европейских же идей. Ювэй Кан (1858–1927) сформулировал идею Человека, естественно существующего индивидуально, и призвал к рождению Нового мира, в

¹Baril D. Révolutionjuridiqueen Chine // Forum de l'Université de Montréal. 1998. Vol.33 (13). [электронный ресурс] <http://www.forum.umontreal.ca/numeros/1998-1999/forum98-11-30/article01.html> (дата обращения: 11.02.2020)

котором этот Человек смог бы воспользоваться своими правами. Затем, на философских основаниях свободы и равенства этого Человека, которые развивали Ян Фу (1852–1922) и ТанСитонг (1865–1898), Лян Цичао (1873–1929) сформулировал синкретическую идею Нового человека, обладающего субъективностью и чувством гражданственности [Li, 12]. Ю. Кан, опираясь на учение Конфуция и пытаясь модернизировать его, видел перспективу в эволюционной смене порождающих борьбу между людьми национализма, капитализма и индивидуализма обществом интернационализма и социализма, а в конце этого развития – формирование всемирного социума с единым правительством. Ц. Лян, объясняя слабость китайского народа перед иностранными колонизаторами его, по существу, рабским, подчиненным авторитарному режиму положением, обосновывал своего Нового человека как свободного, независимого, инициативного, полагая главным восстановление *суверенитета народа*. Этот суверенный народ будет и устанавливать законы, и подчиняться им, поскольку «подчиняться законам – и значит быть свободным», жить в правовом государстве. С. Ли заключает, что с самого начала характерной чертой китайской концепции прав человека стало объединение в *единое целое* прав человека и прав народа, нации таким образом, что свобода вообще, признаваемая абсолютной ценностью, практически представляет собой инструмент, служащий народу в его жизнедеятельности. Свобода личности поэтому вторична по сравнению с задачами безопасности и благополучия всего общества [Li, 1999]. Катализатором такого идейного поворота стало унижение Китая, превращение его в зависимую страну колониальными державами, а также революция в соседней России, ускорившая распространение коммунистических идей.

Эти аспекты были приняты во внимание при разработке смены курса конца 1970-х гг. И в результате, для фундаментальных правовых реформ за ориентир была взята система права канадской провинции Квебек. В трех основных университетах Монреаля прошли зарубежную переподготовку многие ведущие китайские юристы. Такой выбор следовал из нескольких причин. Во-первых, в Квебеке действует система, совмещающая элементы как прецедентного англосаксонского общего права (commonlaw), так и романо-германского континентального права. Это важно не только потому, что до сих пор эти разные системы существуют, прежде всего в США и Британии, но и поскольку спор о том, какая система лучше, не завершен, и существует точка зрения, что для частного бизнеса общее право подходит больше [Canivet, 2018].

Во-вторых, китайцы заметили успехи квебекской «тихой революции» (1960-е гг.), которую посчитали основой модернизации общества и экономики. Результатом этого десятилетия реформ стало радикальное изменение социально-экономического состояния Квебека, переход отсталой клерикальной провинции к современным светским институтам, обеспечивающим развитие самой актуальной экономики знаний. Этот успех был во многом обусловлен специфической культурной политикой – по существу, культурной ассимиляцией нефранкофонов и особенно иммигрантов. Специфичным стало и формирование собственного интеркультурного (взамен мультикультурного) подхода, согласно которому можно было сохранять свою культурную, включая языковую, особенность, только соблюдая общеквебекскую идентичность. Иммигрант мог продолжать говорить на своем языке и отправлять свой религиозный культ, но только будучи обязательно франкофоном,

не выказывая своих религиозных признаков в публичных местах, которые являются светскими (это во многом объясняет и текущую политику в Синьцзяне). Канадцы, проводившие переподготовку, подчеркивали также, что китайцы «хотят избежать примера России, которая скатилась к дикому капитализму. Они хотят сохранить социалистический режим, и Канада привлекает их (сочетанием) своей системы социальной защиты и свободного рынка» [Baril, 1998].

В результате в современной Конституции КНР утвержден собственный перечень прав человека, сформулированный на фундаментально отличных от западных основаниях, но диалектически вобравший в себя их положительные аспекты. Ключевым отличием при этом является дополнение прав *обязанностями*, без которых, по убеждению китайцев, права остаются только декларацией. Сравнительный анализ второй главы Конституции КНР, посвященной правам и обязанностям граждан, и вышеупомянутых Хартии ЕС и Конвенции выявил следующие основные сходные и различные их положения. Политические права в европейских документах описаны более подробно, в то время как в Конституции они не столь детализированы: «Граждане Китайской Народной Республики имеют право на свободу слова, печати, собраний, ассоциаций, шествий и демонстраций» (статья 35). Хотя у китайских граждан есть право критики государственных органов, при его реализации «недопустимо порочить людей, фальсифицируя или подтасовывая факты» (статья 41). Главным отличием является утверждение в Конституции статуса государства как гаранта соблюдения прав граждан, перед которым у них существуют обязанности: в 33 статье (первой статье раздела «Основные права и обязанности человека») определено, что «каждый гражданин пользуется правами, предусмотренными Конституцией и законами, и в то же время должен выполнять обязанности, предусмотренные Конституцией и законами». В европейских документах речь идет только о правах и свободах. Касательно социально-экономических прав: если в Хартии ЕС речь идет о праве работать и свободе выбора профессии, то в Конституции говорится о том, что «граждане Китайской Народной Республики имеют право и обязанности работать», при этом работа есть «почетный долг» каждого гражданина. Если в Хартии ЕС речь идет о праве на образование (в Конвенции образование не упоминается), то в Конституции говорится, что «граждане Китайской Народной Республики» имеют право и *обязаны* получать образование, и «родители обязаны воспитывать и обучать своих несовершеннолетних детей». Среди других обязанностей: «защищать единство страны и единство всех ее национальностей» (статья 52), «защищать безопасность, честь и интересы Родины» (статья 54), «платить налоги в соответствии с законом» (статья 56)¹.

Другим отличием документов является соотношение оформляемых в правах ценностей личности и общества, социума в целом, государства. Согласно статье 51 Конституции, «осуществляя свои свободы и права, граждане Китайской Народной Республики не должны наносить ущерб интересам государства, общества и коллектива, законным свободам и правам иных граждан». Таким образом, выстроена ис-

¹ Constitution of the People's Republic of China. 2018. [электронный ресурс] URL: <https://npcobserver.files.wordpress.com/2018/12/PRC-Constitution-2018.pdf>. (дата обращения: 15.06.2021)

рархия ценностей от государства к обществу, коллективу и гражданину, человеку. В Хартии ЕС говорится, что «ограничения на осуществление прав и свобод могут налагаться лишь тогда, когда они являются необходимыми и действительно служат общим интересам, признанным Союзом, или потребности в защите прав и свобод других лиц» (статья 52, пункт 1), а в Конвенции – «Ничто в настоящей Конвенции не может толковаться как означающее, что какое-либо Государство, какая-либо группа лиц или какое-либо лицо имеет право заниматься какой бы то ни было деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение прав и свобод, признанных в настоящей Конвенции»¹.

При этом на Западе имеется понимание различия оснований, из которых исходят законодатели: Китай выступает за суверенитет как абсолютную ценность, которой подчинены и права человека, и за иерархию прав, в которой экономические, социальные и культурные права важнее, чем гражданские и политические права, как обусловленные экономическим развитием [Kinzelbach, 2012]. Исследуя этот подход, европейские эксперты выпустили словарь, в котором «расшифровывают» основные понятия, используемые китайцами в международном дискурсе. Но они сначала постулируют собственную точку зрения, например, объявляют права человека «универсальными» и «присущими» всем людям, а затем рассматривают позицию Китая, согласно которой суверенитет и невмешательство во внутренние дела (среди которых и права человека) превалируют над принципом универсальности. Указывается, что китайцы продвигают свою «релятивистскую» концепцию прав человека «с китайскими особенностями», согласно которой стабильность, гармония, жизнь и экономическое развитие имеют приоритет над правами, особенно гражданскими и политическими.

Это демонстрируется цитатой из выступления представителя КНР на Всемирной конференции по правам человека 1993 г., который заявил: «Для огромного числа развивающихся стран уважение и защита прав человека – это прежде всего обеспечение полной реализации права на существование и развитие. Аргумент о том, что права человека являются предпосылкой развития, необоснован. Когда бедность и отсутствие достаточного питания и одежды являются обычным явлением, а основные потребности людей не гарантированы, приоритет следует отдавать экономическому развитию. В противном случае о правах человека не может быть и речи»².

Другие эксперты показывают, что в основе китайской позиции лежит не столько идеология, сколько иная правовая традиция – если в Европе право рассматривается само по себе как носитель легитимности и ценность, то в Китае действует традиционно *функционалистский* подход к праву, согласно которому закон есть средство достижения конкретных выгод – экономических, но также и других, посредст-

¹ Charter of Fundamental Rights of European Union. 2012. [электронный ресурс] URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12012P/TXT> (дата обращения: 11.02.2020); European Convention on Human Rights. 1998. [электронный ресурс] URL: https://www.echr.coe.int/documents/convention_eng.pdf (дата обращения: 15.03.2021)

² The Decoding China Dictionary. Oud M., Drinhausen K. (eds.). Raoul Wallenberg Institute of Human Rights and Humanitarian Law. 2021. 63 p. [электронный ресурс:] https://rwi.lu.se/wp-content/uploads/2021/03/Decoding-China-Publication_FINAL.pdf (дата обращения 22.04.2021)

вом легализации и, следовательно, деполитизации конфликтов¹. На Западе осуждается как «релятивистский» китайский целостный, «холистический подход к (отношению) общего и частного». Такой подход действительно полагает влияние национальных особенностей на универсальные права человека (а не наоборот), но его специфика состоит вовсе не в китайской культуре, а в принципиальном отношении к юридическим правам как к *средству* для достижения общественных целей, а не как к *самоцели*, в чем состоит западный подход [Moradi, 2019].

Динамика международной ситуации

Общий международный контекст также влияет на аспект прав человека в отношениях Европейского союза и КНР. В современной системе международных отношений, образованной национальными суверенными государствами, естественным является приоритет их национальных интересов. Конечно, формируется и общая, глобальная повестка – от коллективной безопасности до экологии. Тем не менее именно исходя из национальных интересов самые сильные государства, прежде всего США, влияют на формирование международного права. Некоторые западные эксперты отдают себе отчет в этом и призывают европейцев «признать, что существующее международное право было написано при доминировании Запада, и что Китай имеет законное право требовать правовых изменений и/или новых правовых норм на международном уровне» [Rühlig, 2018].

Хотя Европейский союз продолжает считать себя актором, в самих договорах об учреждении которого основной целью внешней политики установлено продвижение вовне основополагающих политических ценностей, множится его критика в связи со всё более избирательным и непоследовательным выполнением положений своих же норм по правам человека [Saltnes, 2018]. ЕС также ослаблен из-за ряда внутренних кризисов, в основном обусловленных разнородным составом новых участников. В результате Китаю удается выстраивать двусторонние отношения, выгодные для многих европейских стран, но затрудняющие формулирование единой политики по отношению к Пекину (в частности, Греция и Венгрия в ряде случаев не поддерживали антикитайские заявления ЕС).

В области собственно права в мире продолжают конкурировать две основные вышеупомянутые западные правовые системы, сохраняющие фундаментальные институциональные, эпистемологические различия и противоречия между двумя традициями мышления вообще [Fairgrieve, Muir-Watt, 2006]. Причинами этой ситуации являются исторические, языковые, культурные факторы, а также стратегия конкретных государств [Canivet, 2018]. Права человека в целом представляют собой субъективный и динамичный концепт. Власть толкования закона – в соответствии с общим правом – предоставлена судьям, а в континентальном, гражданском праве – возложена на законодателей. Французские правоведы отмечают, что работы по этой проблематике стали активно появляться только с 1980-х гг., а до того эта тема либо игнорировалась, либо вызвала подозрение в связи с метафизичностью,

¹Rühlig T. How China approaches international law: Implications for Europe. [электронный ресурс] https://www.eias.org/wp-content/uploads/2016/03/EU_Asia_at_a_Glance_Ruhlig_2018_China_International_Law.pdf (дата обращения: 07.02.2021)

субъективностью, крайней политизацией¹. Если бы эти права действительно были универсальными и присущими каждому человеку, то они были бы одинаковыми во всех обществах. Но реальность противоположная. Любое право человека завоевано в тяжелой социально-политической борьбе, и сами правозащитники говорят, что теперь ведут борьбу за их соблюдение. Динамичность и субъективность их состава и имплементации подтверждается и объявлением все новых прав, и ограничением уже объявленных: все активнее обсуждаются права животных, но также... роботов и искусственного интеллекта. С другой стороны, под предлогом террористической опасности, после американского «Патриотического акта» 2001 г., страны ЕС также существенно изменили свое законодательство. Анализ новых законов показал, что даже в Британии, Франции и Германии – странах развитой либеральной демократии, существенно ограничили многие гражданские свободы [Haubrich, 2003]. На этом фоне в Китае парируют обвинения в нарушении прав и свобод уйгуров в «центрах профессионального образования и обучения» в Синьцзяне утверждением том, что они «по своему характеру не отличаются от общественных исправительных учреждений в США и Британии, и центров дерадикализации во Франции», а меры, принимаемые для «превентивного противодействия терроризму, соответствуют принципам и духу Глобальной контртеррористической стратегии ООН и других резолюций о борьбе с терроризмом»². При этом теракты на Западе продолжаются, а в КНР их нет. Не выступают против таких действий Пекина в отношении своих граждан-мусульман и ведущие исламские страны.

Другим аспектом давления на Китай является указание на то, что он не ратифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах. Между тем вместе с этим пактом в 1966 г. Комиссией ООН по правам человека был разработан также Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. И этот последний, предусматривающий такие права, как право на труд (статья 6), на социальное обеспечение, включая социальное страхование (статья 9), на достаточный жизненный уровень (статья 11)³, в отличие от Китая и ЕС подписали, но так и не ратифицировали США. Также США в зависимости от обстоятельств покидают те или иные учреждения ООН или не признают их решений. С избранием Трампа на пост президента США в Европе посчитали, что ЕС оказался «последним защитником либеральных ценностей» в международных отношениях [Political values in Europe-China relations, 2018], а американский политолог Д. Уорнер отмечал, что «Дональд Трамп и его сторонники видят в ООН посягательство на свой суверенитет, так же как они рассматривают международное право (или любой другой закон) как неоправдан-

¹Colliot-Thélène C. L'interprétation des droits de l'homme: enjeux politiques et théoriques au prisme du débat français // Trivium. 2009. Vol.3 [электронный ресурс] URL: <http://journals.openedition.org/trivium/3290> (дата обращения: 15.03.2020)

²What's False and What's True on China-related Human Rights Matters. Embassy of PRC in Italy. 2020. [электронный ресурс] URL: <http://it.china-embassy.org/ita/xwdt/t1804894.htm> (дата обращения: 22.04.2021)

³International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. Adopted and opened for signature, ratification and accession by General Assembly resolution 2200A (XXI) of 16 December 1966. [электронный ресурс] <https://www.ohchr.org/en/professionalinterest/pages/cescr.aspx> (дата обращения: 11.04.2021)

ное ограничение своей власти»¹. Наконец, фундаментальные разногласия между США и ЕС по поводу смертной казни позволяют задать вопрос: что же на Западе понимают под универсальностью?

На этом фоне мониторинги правозащитных организаций (FreedomHouse с 2005 по 2017 гг.) показывают, что даже в странах с прочными демократическими традициями наблюдаются тенденции к уменьшению демократии и свободы. Одновременно улучшается имидж китайской модели развития, которая теперь – в частности, среди африканцев – является второй по привлекательности после США [BaderJ., Hackenesh].

Конкуренция и возможные ошибки

В Европе констатируют, что в последние десять лет Пекин отказался от политики «вести себя сдержанно и выжидать», сменил свой подход с обороны на активную стратегию, и, как крупная мировая держава, оказывает глубокое влияние на международные отношения и глобальное управление, стремится стать нормотворцем, «сломать гегемонию Запада в области прав человека»². Стала очевидной необходимость пересмотреть упрощенческое отношение к тому, что происходит в республике. Но некоторые специалисты продолжают исходить из идеологических установок, например, определяя основной политической целью КПК «укрепление своей политической легитимности и обеспечение своего выживания», как это сделали исследователи и активисты «Международной амнистии» в Справочнике по правам человека в Китае [HandbookonHumanRightsinChina, 2019]. Хотя и им приходится констатировать, что годы реформ действительно являются периодом институционального, в том числе правового строительства, пусть и постепенно, но освобождающего граждан Китая от большей части контроля предыдущей эпохи, дающего им больше свободы и процветания, периодом стремления перевести любые конфликты в правовое поле, в том числе и претензии общества к государству.

Еще одним расхожим упреком европейцев является критика якобы риторического обращения Китая к проблематике прав человека, а также к верховенству закона. Однако Т. Рулиг показывает, что китайское руководство на самом деле укрепляет правовой порядок, судебную власть. Он обращает внимание на 4-й Пленум ЦК КПК в 2014 г., на котором впервые специально обсуждалась проблема верховенства закона и по итогам было объявлено о крупнейшем изменении – лишении местных партийно-государственных чиновников права назначать судей (хотя на высшем уровне руководство КПК судебной системой сохранилось)³. Статистика массовых наказаний членов КПК, включая руководителей всех уровней, в рамках

¹ Warner D. Comment la Chine occupe le vide laissé par les États-Unis aux Nations Unies. 26 février 2020. [электронный ресурс] https://www.swissinfo.ch/fre/politique/point-de-vue_comment-la-chine-occupe-le-vide-laiss%C3%A9-par-les-%C3%A9tats-unis-aux-nations-unies/45580672 (дата обращения: 02.03.2021)

² The Decoding China Dictionary. Oud M., Drinhausen K. (eds.). Raoul Wallenberg Institute of Human Rights and Humanitarian Law. 2021. 63 p. [электронный ресурс:] https://rwi.lu.se/wp-content/uploads/2021/03/Decoding-China-Publication_FINAL.pdf (дата обращения: 22.04.2021)

³ Rühlig T. How China approaches international law: Implications for Europe. [электронный ресурс] https://www.eias.org/wp-content/uploads/2016/03/EU_Asia_at_a_Glance_Ruhlig_2018_China_International_Law.pdf (дата обращения: 07.02.2021)

постоянной антикоррупционной кампании позволяет говорить об определенном последовательном курсе – в данном случае Си Цзиньпина, результативность которого позволила ему констатировать в 2017 г. на 19-м съезде КПК: «Был достигнут дальнейший прогресс в обеспечении того, чтобы наше законодательство было разумным, правоохранительные органы были строгими, отправлением правосудия было беспристрастным, а закон соблюдался всеми... система отличительно китайского социалистического верховенства закона последовательно совершенствовалась». Им же была определена цель «установить систему социалистического верховенства закона с китайскими особенностями и построить страну социалистического верховенства закона» и поставлена задача «разработать китайскую социалистическую теорию верховенства права»¹.

Такая теория может быть предложена и для внешнего использования, в частности в Евросоюзе, который занимает особо важное место в планах Китая [Litvak, Ponomozova, 2021]. С позиции рефлексивной социологии важным фактором, влияющим на отношения ЕС–КНР, является рефлексия изменения их национальной идентичности. Чж. Ли на основании дискурс-анализа официальных китайских медиа показала, что Китай теперь рассматривает себя как ведущего игрока на мировой арене и продвигает свои изменившиеся интересы. По-другому он воспринимает и возможности ЕС в международных отношениях. Ли определяет отношение КНР к ЕС как «рефлексивные ожидания», которые Пекин корректирует по результатам наблюдения за потенциалом и действиями Евросоюза и своими собственными.

Десятилетиями Китай рассчитывал на укрепление ЕС как противовеса США в желаемой многополярной системе. Однако финансово-экономические проблемы, миграционный кризис и растущие разногласия между европейцами эти ожидания значительно умерили [Li, 2016]. Напротив, растущий многосторонний потенциал Китая позволил ему сформулировать стратегию «Одного Пояса и Одного Пути», по существу предполагающую в будущем включение Европы в свою торгово-экономическую орбиту. Отсюда и переход от обороны к наступлению по проблематике прав человека. Что касается международного права, то именно социальные изменения в национальных государствах и на транснациональном уровне являются предпосылками формирования нормативного порядка². Усиление Китая, включая его влияние на режим прав человека, и ослабление в этих аспектах западных демократий не являются результатом злого умысла Пекина, а следуют за изменениями в локальных социумах (для сравнения – откровенно враждебная риторика в отношении Запада КНДР так и остается риторикой).

Выводы

Принципиальное противоречие ЕС и КНР, наблюдаемое в подходах к правам человека, является противоречием междуконструктивистским и функциональным подходами. Они, в свою очередь, имеют истоки в идеологиях, возникающих на

¹ Xi J. Full Text of Xi Jinping's Report at 19th CPC National Congress. 04.11.2017 [электронный ресурс] http://www.chinadaily.com.cn/china/19thcpcnationalcongress/2017-11/04/content_34115212.htm (дата обращения: 07.02.2021)

² Forst R., Günther K. Die Herausbildung normativer Ordnungen: Zur Idee eines interdisziplinären Forschungsprogramms. [электронный ресурс] <http://publikationen.ub.uni-frankfurt.de/volltexte/2010/8073/> (дата обращения: 07.04.2021)

идеалистических и материалистических основаниях. Идеологические причины, догматическое отношение на Западе к социалистической практике как неуспешной, сформированное по итогам «победы в холодной войне», помешали вовремя сосредоточиться на исследовании нового феномена. СССР действительно исчез, но КНР, не копируя западную модель, а отрефлексирав обе, не только сохранилась, но бурно развивается.

В «расшифровывающем» китайский дискурс словаре отмечается, что для политиков либеральных демократий Европейского союза Китай как партнер и одновременно «стратегический конкурент» остается загадкой.

Они не только не понимают, почему Китай, превратившийся из бедной страны во вторую по величине экономику мира, не проводит политических реформ, но и констатируют снижение объема знаний о Китае, при том что они сейчас нужны как никогда, ведь растет проникновение китайских идей в документы ООН, наделяющее такие нормы и принципы, как верховенство закона, права человека и демократия, новым смыслом – «китайскими особенностями»¹. Результатом такого пренебрежения становится изобретение очередного оксюморона – «принципиального прагматизма», согласно которому ЕС теперь собирается выстраивать свои отношения с внешним миром, включая Китай [Political values in Europe-China relations, 2018].

Несмотря на активную политическую и правозащитную критику ситуации в Китае, западные исследователи отмечают огромный и реальный прогресс институционализации и имплементации прав человека в стране даже в западном их понимании. Это соответствует не только внедрению элементов рыночной экономики, но также ценностям современного, социалистического китайского государства, включая стремление его высшего руководства максимально уменьшить субъективный фактор (партийных функционеров, судей) посредством последовательно выстраиваемой опоры на систему законов, с перспективой, возможно, ее полного обезличивания в технологических системах социального кредита/рейтинга на основе искусственного интеллекта.

Эксперты все настойчивее обращают внимание политиков на необходимость не столько навязывания Китаю своей точки зрения, сколько исследования противоречий двух мировоззрений [Michalski, Zhongqi, 2017], которые вступили в практическую конкуренцию по всему миру. Возможно, что продолжающиеся успехи по подъему уровня жизни китайцев поставят Европу, переживающую, как минимум, стагнацию уровня благосостояния, снижение безопасности граждан при росте разрыва в доходах, перед лицом нового конфликта между элитами и левой мыслью. Тогда победу в противостоянии с Китаем будет необходимо одерживать не на его территории, не в китайском обществе, а у себя дома, обеспечивая лучшую жизнь для своих граждан.

Список литературы / References

Bader J., Hackenesch C. (2019) China: Same, same, but different? *Annals of Comparative Democratization*, Vol. 17(2), pp.8–11.

Canivet G. (2018) Le débat common law versus civil law sur la performance économique du droit est-il pertinent? *Revue d'économie financière*. Vol.129 (1), pp. 31–51.

¹ The Decoding China Dictionary. Oud M., Drinhausen K. (eds.). Raoul Wallenberg Institute of Human Rights and Humanitarian Law. 2021. 63 p. [электронный ресурс:] https://rwi.lu.se/wp-content/uploads/2021/03/Decoding-China-Publication_FINAL.pdf (дата обращения: 22.04.2021)

- Fairgrieve D., Muir-Watt H. (2006) *Common Law et tradition civiliste. Convergence ou concurrence?* Paris: PUF. 64 p.
- Handbook on Human Rights in China. (2019) Biddulph S., Rosenzweig J. (eds.). Northampton, MA: Edward Elgar Pub., 768 p.
- Haubrich D. (2003) September 11, Anti-Terror Laws and Civil Liberties: Britain, France and Germany Compared. *Government and Opposition*. Vol.38(1), pp.3–28.
- Kinzelbach K. (2012) Will China's rise lead to a new normative order? An Analysis of China's Statements on Human Rights at the United Nations (2000–2010). *Netherlands Quarterly of Human Rights*. Vol. 30(3), pp.299–332.
- Kinzelbach K. (2014) *The EU's Human Rights Dialogue with China: Quiet diplomacy and its limits*. London: Routledge, 236 p.
- Li Zh. (2016) 'Reflexive Expectations' in EU-China Relations: A Media Analysis Approach. *Journal of Common Market Studies*. Vol.54 (2), pp.463–479.
- Li X. (1999) L'origine de la conception des droits de l'homme en Chine. *Revue générale de droit*. Vol.30(1), pp. 61–97.
- Lipset S.M. (1959) Some social requisites of democracy: economic development and political legitimacy. *American Political Science Review*. Vol.53(01), pp.69–105.
- Litvak N., Pomozova N. (2021) Chinese Diplomatic Discourse for Europe: A Change of Style. *Russia in Global Affairs*. Vol.19 (1), pp.50–69.
- Michalski A., ZhongqiZh. (2017) *Unlikely Partners? China, the European Union and the Forging of a Strategic Partnership*. Singapore: Palgrave Macmillan. 203 p.
- Moradi S. (2019) The Chinese Approach to the Liberal Concept of Human Rights. *Open Journal of Social Sciences*. Vol.7, pp.249–258.
- Political values in Europe-China relations. (2018) ETNC Report. Ruhlig T.N. (ed.). Stockholm: Utrikespolitiska Institutet. 96 p.
- Saltner J.D. (2018) The European Union's human rights policy: is the EU's use of the human rights clause inconsistent? *Global Affairs*. Vol. 4(2–3), pp. 277–289.

Conceptual Approaches to Human Rights in the European Union and the People's Republic of China

Received 09.06.2021

Authors: Litvak N., Doctor of Science (Sociologics), Professor of the Department of Philosophy. A.F. Shishkina, MGIMO, Russian Foreign Ministry. **Address:** Vernadsky Ave., 76, Moscow, Russia, 119454. **E-mail:** koloc1918@mail.ru

Pomozova N., Candidate of Science (Sociologics), Assistant Professor of the Department of Contemporary East of the Russian State University for the Humanities. **Address:** Miuskaya Square, 6, Moscow, Russia, 125047. **E-mail:** npomozova@mail.ru

Abstract. The article presents a comparative interdisciplinary study of approaches to the problem of human rights in relations between the European Union and the People's Republic of China. This factor is traditionally used by the EU and the West to criticize the policies of other countries, combining pressure and encouragement in order to Westernize them – to accept and practically implement the Western concept of human rights. However, modern China, having carried out rapid socio-economic and scientific-technological development, not only did not change its political system, but also began to reform the international sphere of human rights in accordance with their understanding. Ideological inertia and simplification of the problem do not contribute to understanding in Europe how, while retaining the socialist ideology, China became the second economy in the world, acquiring global primacy and promoting its model, without setting, like the West, special political conditions. At the same time, there are contradictions between the Western countries, and international law, including the field of human rights, which have a historical, dynamic character, and a very diverse implementation. In the socio-philosophical sense, the competition between the constructivist and functional approaches in the forms of the liberal-bourgeois and socialist systems is developing between the EU and the PRC.

Key words: human rights, rule of law, values, European Union, China.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520215667>